Ю. П. Аверкиева

У ИСТОКОВ СОВРЕМЕННОЙ ЭТНОГРАФИИ

(К СТОЛЕТИЮ ВЫХОДА В СВЕТ «ДРЕВНЕГО ОБЩЕСТВА» Л. Г. МОРГАНА)

Классический труд Л. Г. Моргана «Древнее общество»[1] (1877 г.), совершивший, по словам Ф. Энгельса, переворот в науке о первобытности, был итогом его многолетних исследований. Как справедливо отмечал Ф. Энгельс, Морган пришел к своим выводам не сразу: «Около сорока лет работал он над своим материалом, пока вполне овладел им»[2]. Действительно, «Древнее общество» было третьей крупной работой Моргана, завершением эволюции его взглядов на историю первобытности.

В 1851 г. была опубликована его первая большая работа — «Лига ирокезов»[3]. Это была первая научная монография по этнографии одного из индейских племен Америки, опубликованная в США. Год ее выхода считается ныне в США годом рождения американской этнографической науки. В этом труде Морган скрупулезно описал детально изученную им структуру ирокезского союза племен, и приведенные в ней материалы не потеряли своего научного значения до наших дней.

Изучая структуру ирокезского союза племен, Морган открыл ирокезский род и впервые описал его (хотя и называл его «племенем») как первичную единицу организации их древнего общества. Родовое устройство ирокезов он трактовал не как курьез, а отмечал, что «деление на племена (роды.—*Ю. А.*) есть простейшая организация общества»[4]. Морган дал здесь терминологию родства ирокезов, устанавливая матрилинейность связей, объединяющих людей в род, и родовую экзогамию. Он отмечал отсутствие частной собственности у ирокезов в прошлом. Одним словом, на страницах «Лиги ирокезов» Морганом впервые было рассмотрено родо-племенное устройство ирокезов, вскрыта их родовая организация, дальнейшее изучение которой дало Моргану ключ к пониманию сущности всей первобытной эпохи в истории человечества. Уже в этой работе Морганом была высказана мысль о делении обществ

---

[1] *L. H. Morgan.* Ancient Society or Researches in the lines of human progress from savagery through barbarism to civilization. N. Y., 1877. См. новое издание под редакцией E. Burke Leacock (N. Y., 1963) и под редакцией L. A. White (Cambridge, Mass., 1964), русский перевод: *Л. Г. Морган.* Древнее общество, или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1934 (В случаях неточностей русского перевода мы обращаемся к изданию 1964 г. под ред. Л. А. Уайта).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, с. 26.

[3] *L. H. Morgan.* League of the Ho-de-no-saunee, or Iroquois. Rochester, 1851. Мы пользуемся изданием 1962 г., вышедшим в Нью-Йорке под названием «League of the Iroquois».

[4] *L. H. Morgan.* League of the Iroquois, p. 60.

на родовые и гражданские и их историческом соотношении, развитая им позднее в концепцию о двух планах организации общества (societas и civitas). «Узы родства, связывающие отдельных членов (рода.— *Ю. А.*),— писал он,— необходимы до тех пор, пока принятие какой-либо формы государственности не сделает их ненужными и не заменит их другими связями, отвечающими тем же целям защиты и благополучия»; далее он говорил о замене, временами трудной, «органического деления на племена (роды.— *Ю. А.*) новыми гражданскими институтами»[5]. «Лига ирокезов» представляет, таким образом, большой интерес как этап в становлении философско-исторических взглядов Моргана. В этом труде сказалось уже влияние идей прогресса, выдвинутых философами-просветителями XVIII в. Идея единства человечества и поступательности его прогрессивного развития выражена здесь в пламенной защите Морганом индейцев от расистских теорий регресса, трактовавших современные отсталые народы, в том числе индейцев, как спустившихся с пьедестала совершенного божественного творения. Цивилизация, по Моргану, отодвинута от дикости только временем и знаниями, а знания — следствие исторического пути всего человечества.

Уже в этой работе Морган высказывался против теорий об извечности отношений частной собственности и неравенства. На страницах ее он настойчиво подчеркивал равенство в ирокезском обществе и видел в нем основу образования Союза племен. В то же время в книге сказывается влияние идеалистических концепций. Восстанавливая прошлое ирокезов, Морган рисует напоминающую идеи Ж.-Ж. Руссо идеализированную картину их «первобытного состояния», подчеркивая полное равенство и высокие моральные качества людей такого общества. Явно переоценивая равенство племен и родов в Союзе племен, он ошибочно трактовал последний как сознательное творение легендарных законодателей ирокезов — Деганаведы и Гайаваты.

Эта идеализированная картина ирокезского общества была, несомненно, внушена Моргану и его информаторами. Представление о прошлом как золотом веке в жизни народа, оказавшегося в резервациях в условиях нищеты, угнетения, дискриминации и бесперспективности,— явление естественное. И престарелые ирокезы, рассказывая усыновленному ими молодому юристу о своем прошлом, рисовали ему идеальное общество, в котором царили мир, равенство и братство. Несомненно, с их слов Морган пишет, что создание Лиги преследовало цель установления мира между индейцами. Хотя в то же время он сам отмечал агрессивный дух ирокезов, приводил примеры неравенства племен Союза и насилий ирокезов над покоренными племенами.

В сознании молодого Моргана, автора «Лиги ирокезов», глубоко сидели еще догматы христианства, и в последнем он видел единственно справедливую религию. Но в то же время он пытался доказать, что вера в бога не есть привилегия белых, что «религиозные устремления» не чужды ирокезам. Они внушены им «Великим духом», в которого они верят.

В следующем году после публикации «Лиги ирокезов» Морган опубликовал брошюру «Законы кровного родства и счета происхождения у ирокезов», а в 1856 г. выступил с докладом на эту тему в Американской ассоциации развития науки[6]. После этого он прекратил на некоторое время свои исследования и, целиком занявшись адвокатской практикой, писал в своем дневнике, что «оставил индейские сюжеты»[7].

---

[5] *L. H. Morgan.* League of the Iroquois, p. 78, 79.

[6] См. *L. A. White.* How Morgan came to write «Systems of consanguinity and affinity»? — «Papers of the Michigan Academy of Science, Arts and Letters», v. 42, 1957, p. 262—265.

[7] Там же, p. 262—265.

Однако, совершая поездки по стране по делам железнодорожной компании, акционером которой он стал, Морган случайно открыл, что системы родства оджибвеев и дакотов сходны с описанной им у ирокезов. Это открытие толкнуло Моргана на путь дальнейших исследований систем родства у различных племен Америки, а затем и других частей света.

В 1859—1862 гг. Морган предпринимает четыре экспедиционные поездки к племенам, расселенным тогда на широком пространстве американских прерий к западу от Аппалачей, с целью сбора конкретного материала по этнографии этих племен [8].

К 1871 г. Морганом был собран огромный фактический материал по терминологиям родства различных народов мира, который он проанализировал и классифицировал в своем труде «Системы родства и свойства человеческой семьи» [9]. Это была вторая фундаментальная работа Моргана, в которой он развивает свои представления о родовом устройстве первобытного общества и выдвигает теорию об эволюции семьи от промискуитета через различные стадии и формы группового брака к моногамии в классовом обществе. Обобщающие выводы изложены Морганом в заключительной части труда. Здесь он свел все собранные им терминологии родства к двум системам — классификационной и описательной; здесь же им высказана идея о том, что ныне существующие терминологии родства соответствовали в прошлом фактическим отношениям родства, что формы семьи имеют свою историю и изменяются они быстрее, чем термины родства, что классификационные системы родства предшествуют возникновению индивидуального брака и индивидуальной семьи.

Всем своим содержанием эта работа Моргана была направлена на опровержение патриархальной теории. Этот поистине монументальный труд Моргана был высоко оценен его современниками и не потерял своего значения в наши дни. Им был заложен фундамент исследований терминологий родства вообще. В этом отношении у Моргана не было предшественников. Морган, по мнению У. Риверса, не только открыл классификационную систему родства и собрал огромное количество фактического материала по этой проблеме, но и показал теоретическое значение своего открытия [10].

Труд Моргана «Древнее общество» был продолжением и дальнейшей разработкой обобщений, изложенных в «Системах родства и свойства...». Непосредственно над «Древним обществом» Морган работал с 1871 по 1877 г., опубликовав за этот период ряд подготовительных статей. В этом труде Морган дал первую в истории науки научную систематизацию огромного конкретного материала о ранних периодах истории. По подсчетам Л. Уайта, фактический материал занимает 60% книги. Он позволил Моргану со знанием дела создать периодизацию истории прогрессивного развития человечества.

Морган считал себя компетентным сформулировать законы «восхождения человека с низших ступеней до порога цивилизации» на основании своих знаний в четырех областях человеческого прогресса: развития изобретений и открытий, развития «идеи управления», «идеи семьи и брака», «идеи собственности». Он допускал, что могут быть и другие столь же важные аспекты человеческого прогресса, но к описанию их он не был подготовлен. «Четыре вышеуказанных группы явлений,— пишет он,— развивающихся параллельными линиями по пути человеческого прогресса, от дикости к цивилизации, образуют главный

---

[8] *L. H. Morgan.* The Indian Journals. 1859—1862. Ann Arbor, 1959.

[9] *L. H. Morgan.* Systems of consanguinity and affinity of the Human family.— «Contributions to knowledge of the Smithsonian Institution», v. XVII, Washington, 1871.

[10] *W. H. R. Rivers.* Kinship and social organization. London, 1914, p. 4—5.

объект обсуждения в этой книге»[11]. Каждой «группе явлений» и посвящено по одному из четырех разделов книги. Анализ «линий развития»— этих важнейших аспектов общественной жизни позволил Моргану впервые в истории науки сформулировать хорошо обоснованную историко-философскую концепцию сущности доклассового общества, доказать, что род был основной единицей структуры этого общества.

В первой части своего труда Морган рисует общую картину экономического и культурного развития человечества «в связи с накоплением изобретений, открытий». Во второй части он проводит анализ развития общественных форм от родового общества до возникновения государства. Третья часть посвящена истории брака и семьи, а четвертая — истории собственности. В начале книги Л. Г. Морган, прослеживая развитие способов добывания средств существования и накопления изобретений и открытий, с помощью которых человек покорял природу, наметил по существу историю развития производительных сил, которая, по его мысли, и определяла прогрессивное развитие человечества через ступени дикости и варварства к цивилизации.

Трехстадиальная периодизация истории человечества, как известно, предлагалась в науке еще до Моргана. Он и сам признавал это, цитируя в посвящении своей работы Макильвену высказывания по этому поводу У. Д. Уитни и Дж. Кэйнза[12]. Однако значительно более ранними теоретиками периодизации человеческого прогресса были такие философы и историки XVIII в., как Ш. Монтескье, А. Фергюсон, У. Робертсон и др. Но выделяемые ими исторические эпохи носили крайне абстрактный, крайне обобщенный характер. В их объяснениях прогрессивного развития человечества можно проследить две традиции — материалистическую и идеалистическую. Например, представитель шотландской школы просветителей Дж. Кэйнз объяснял историю как плод деятельности человеческого разума, а У. Робертсон связывал смену стадий человеческой истории с изменениями в способах производства средств существования. Характерно, что в воззрениях Моргана сказалось влияние этих двух традиций.

Положительно оценивая периодизацию истории, предложенную датским археологом Томсеном (каменный, бронзовый и железный века), Морган отметил ее ограниченность. Он считал ее применимой лишь для «классификации предметов древнего производства, но развитие науки вызвало необходимость иного подразделения... Вероятно,— писал он,— последовательные способы производства средств существования, возникавшие через длительные интервалы, в конечном счете, в силу их огромного влияния, оказываемого на состояние общества, дадут наиболее удовлетворительную основу для подобного рода подразделений»[13]. Но, гениально увидев в развитии производительных сил истинный критерий периодизации истории, Морган отмечал, что пока сделано очень мало исследований в этом направлении, и это помешало ему положить способ производства средств существования в основу периодизации и принять в качестве ее вех появление главных изобретений и открытий в истории человечества. Однако, несмотря на ограниченность научных знаний того времени, Морган сумел дать и материалистически обосновать более дробную и более конкретизированную, чем у его предшественников, периодизацию истории первобытности. Он разделил ее на шесть «этнических периодов». Историю же классового общества он обобщенно отнес к одному периоду цивилизации, охарактеризовав его как гражданское (политическое) общество, основанное на частной соб-

[11] *L. H. Morgan.* Ancient Society, p. 6.

[12] *W. D. Whitney.* Oriental and linguistic studies. N. Y., 1873; *J. Kaines.* Western anthropology and extra Western communities.— «Anthropologia», vol. 1, № 2, London, 1874.

[13] *L. H. Morgan.* Ancient Society, p. 15.

ственности и территории. Для целей моргановского исследования этого было достаточно: его «Древнее общество» посвящалось доклассовой эпохе в истории человечества.

Каждый «этнический период», по Моргану, представляет «своеобразное состояние общества и отличается специфическим образом жизни»[14]. И хотя он пишет в начале книги о «параллельном развитии» изобретений и открытий, идей управления, семьи и собственности, однако сам же приходит к выводу о взаимосвязанности этих групп явлений и их специфичности в каждом «этническом периоде» и определяющем значении состояния производительных сил. Чередование периодов истории общества Морган связывал с чередованием способов материального производства. И хотя открытия и изобретения были взяты Морганом в качестве главных показателей развития производительных сил и смены этнических периодов, он не был, вопреки утверждениям многих толкователей его исторической концепции, технологическим детерминистом. По существу в основу его периодизации истории прогрессивного развития первобытного общества положены два критерия: развитие производительных сил («прогресс открытий и изобретений») и развитие собственности. С первой частью книги Моргана логически связана ее IV часть, посвященная «развитию идей собственности». Не случайно Маркс при конспектировании книги вслед за первой и третьей частями конспектирует четвертую. В ней, несмотря на слова «идея собственности», Морган дал вполне историко-материалистическое объяснение развития отношений собственности. «Самые ранние идеи собственности,— писал он, например,— были теснейшим образом связаны со способом производства средств существования, составляющих первейшую потребность человека... Развитие частной собственности идет, таким образом, вместе с прогрессом изобретений и открытий. Каждый этнический период обнаруживает прогресс по сравнению с предшествующим не только по количеству изобретений, но и по разнообразию и объему собственности, являющейся результатом этих изобретений. Множественность форм собственности сопровождалась возникновением определенных правил в отношении ее владения и наследования. Обычаи, на которых основываются эти нормы владения и наследования, определяются состоянием и прогрессивным развитием социальной организации. Таким образом, развитие собственности тесно связано с изобретениями и открытиями и с совершенствованием социальных институтов, которые характеризуют этнические периоды человеческого прогресса»[15]. Морган прослеживает в этой главе развитие собственности через «этнические периоды» истории первобытности до цивилизации, связывая его не только с развитием производительных сил, но и с развитием социальных институтов. Он выявляет две исторические формы собственности: коллективную и частную. В коллективной собственности на землю и жилище он видел основу коммунизма домашней жизни и равенства всех членов родового общества[16]. Морган убедительно показывает, что коллективизм в производстве и распределении предшествовал отношениям частной собственности, что общая собственность на средства производства — форма, предшествовавшая частной собственности. Он характеризует первобытное родовое общество как общество равенства, в котором нет частной собственности и порождаемой ею эксплуатации человека человеком, нет государства. Прослеживая далее развитие частной собственности в связи с совершенствованиями в области материального производства в период варварства, Морган приходит к выводу, что частная собственность становится основой классового «политического» общества. Таким образом, несмотря на выражение «идея

[14] *L. H. Morgan.* Ancient Society, p. 15, 445.
[15] Там же, с. 445.
[16] *Л. Г. Морган.* Древнее общество, с. 199.

собственности», причину господства той или иной формы собственности Морган искал не в головах людей, а в развитии материального производства. Правда, Морган писал о собственности вообще, его стихийному материализму была присуща ограниченность в понимании производственных отношений, в понимании классов как определенных групп людей с различным отношением к средствам производства.

Вторую часть своего труда Морган назвал «Развитие идеи управления», посвятив ее анализу на богатом фактическом материале сущности родового строя, прослеживая его историю с периода возникновения до распада и объясняя ее с материалистических позиций. Здесь изложена кардинальная часть его учения о первобытности — учение о роде как основной и универсальной форме организации первобытного общества. Материалистический подход Моргана к проблеме рода был отмечен В. И. Лениным, писавшим, что «богатый материал, собранный Морганом, дает ему возможность проанализировать сущность гентильной организации, и он сделал тот вывод, что объяснения ее надо искать не в идеологических отношениях (например, правовых или религиозных), а в материальных» [17].

Конкретные полевые исследования среди индейцев и огромный собранный им материал по системам родства у множества народов мира привели Моргана к открытию материнского рода как исходной ячейки и первоначальной основы организации доклассового общества. Это, как известно, было чрезвычайно высоко оценено К. Марксом и Ф. Энгельсом. «Это вновь сделанное открытие первоначального рода, основанного на материнском праве, как стадии, предшествовавшей основанному на отцовском праве роду культурных народов, имеет для первобытной истории,— писал Энгельс,— такое же значение, как теория развития Дарвина для биологии и как теория прибавочной стоимости Маркса для политической экономии... Всякому ясно, что тем самым открывается новая эпоха в разработке первобытной истории. Род, основанный на материнском праве, стал тем стержнем, вокруг которого вращается вся эта наука...» [18]. Доклассовое родовое общество Морган резко противопоставил классовому. Он трактует их как два разных плана общественного устройства: «Опыт человечества,— писал Морган,— ...создал только два плана общественного строя, употребляя слово *план* в его научном смысле. Оба они были определенными и систематическими организациями общества. Первый и более древний представлял собой *организацию социальную*, основанную на родах, фратриях и племенах. Второй и позднейший представлял собой *организацию политическую*, основанную на территории и собственности» [19].

В литературе о Моргане нередко пишут, что он заимствовал идею о двух планах общественного устройства у Г. Мейна, писавшего-де об этом еще в 1861 г.[20]. Однако значительно раньше Мейна — в 1851 г., эта же идея, как отмечалось выше, была высказана Морганом в «Лиге ирокезов» [21]. В том же году об этом писал и Г. Грот, характеризуя социальную жизнь древних греков [22]. В «Древнем обществе» Морган не упоминает в связи с этой проблемой Г. Мейна, но приводит в разделе о греческом роде пространную цитату из Грота, где говорится о двух формах организации у древних греков: более архаичной, основанной на объединении родов и личностных отношениях, и позднейшей — политическом союзе, в котором главное значение приобретают собствен-

---

[17] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 149.
[18] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 22, с. 223.
[19] *Л. Г. Морган.* Указ. раб., с. 38.
[20] *M. Fortes.* Social anthropology.— «Scientific thought in the twentieth century». London, 1951, p. 336; *R. H. Lowie.* Primitive society. N. Y., 1920, p. 50, 319.
[21] *L. H. Morgan.* League of the Iroquois, p. 78, 79.
[22] *G. Grote.* A history of Greece. 3 ed. London, 1851, vol. III, p. 75—79.

ность и место жительства, а личный элемент занимает второстепенное место [23]. Но Грот говорил об этом только применительно к греческому обществу, а еще до него эта же идея была высказана Нибуром в его «Истории Рима» [24]. Морган же эти два плана общественного устройства рассматривал как общую закономерность в истории человечества. Открытие Морганом родовой организации первобытного общества, характеристика ее конкретных исторических форм позволили ему показать первый план общественного устройства во всей его конкретности, чего нельзя было ожидать от Г. Мейна, вообще отрицавшего древность родовой организации и ее универсальность. Выявив противоположность двух типов общества, Морган попытался проследить смену одного типа общества другим, связывая ее с эволюцией форм собственности. Диалектически оценивая сущность родовой организации, Морган показал, как само родовое общество порождает свою противоположность — «политическое» общество. Он пишет, что переход к отцовскому счету происхождения был уже шагом по пути превращения родового общества в «политическое».

В периодизации истории человечества современное капиталистическое общество Морган трактовал как высшее достижение человеческого прогресса, но не считал его конечным достижением прогрессивного развития общества. Совершенно необоснованны поэтому обвинения Моргана в апологетике буржуазного общества, в частности американского. Подтверждение этому пытаются обнаружить в следующей фразе, содержащейся в «Древнем обществе». Вчитаемся в нее: «Несмотря на то, что привилегированные классы продержались в течение нескольких тысячелетий везде, за исключением Соединенных Штатов, совершенно ясно стало, однако, каким тяжелым бременем они ложатся на общество» [25]. Очевидно, что здесь у Моргана речь идет о том, что в США привилегированные классы существуют не тысячелетия, как в Старом Свете, но всюду они — бремя для общества. Несмотря на эти хронологические различия, и американское общество Морган относил ко второму из его двух планов общественного строя и подверг его, так же как и другие общества эпохи цивилизации, уничтожающей критике. Он ясно сознавал пороки этого общества. «С наступлением цивилизации,— писал он,— рост собственности принял такие громадные размеры, ее формы стали так разнообразны, ее применение так расширилось, а ее использование в интересах собственников так искусно, что она сделалась силой, непреодолимой для народа» [26]. Но Морган видел преходящий характер этого общества. «Голая погоня за богатством не составляет конечного назначения человечества... Время, прошедшее с наступления цивилизации,— писал он,— это лишь ничтожная доля времени, прожитого человечеством, ничтожная доля времени, которое ему предстоит еще прожить. Гибель общества должна стать концом поприща, единственной целью которого является богатство, ибо такое поприще содержит в себе элементы собственного разрушения. Демократизм в управлении, братство в общественных отношениях, равенство прав, всеобщее образование будут характеризовать следующий, более высокий план общества, к которому неуклонно стремится опыт, разум, знание. Он будет возрождением — но в высшей форме — свободы, равенства, братства древних родов» [27]. Как видим, в «Древнем обществе» Моргана речь идет не только о двух созданных человечеством «планах» общества — доклассовом и классовом, но и о третьем, будущем плане

---

[23] *Л. Г. Морган.* Указ. раб., с. 133.
[24] *B. G. Niebur.* Romische Geschichte. Berlin, 1811—1831, T. 1.
[25] *L. H. Morgan.* Ancient Society, p. 329.
[26] *Л. Г. Морган.* Указ. раб., с. 329.
[27] *L. H. Morgan.* Ancient Society, p. 467.

бесклассового общества. Именно поэтому Ф. Энгельс писал о коммунистических выводах Моргана [28]. Эти выводы Моргана развиваются ныне прогрессивными учеными США [29].

В третьей части своего труда, «Развитие идеи семьи», на обширном материале Морган прослеживает историю брака и семьи как ряд последовательно сменяющихся форм от промискуитета через групповой брак, парную семью к моногамии. Он убедительно показывает, что индивидуальный брак и индивидуальная семья — категории исторические и проходят в своем развитии различные этапы. Их историю он связывает со всем ходом социально-экономического развития и неопровержимо доказывает, что возникновение индивидуального брака и индивидуальной моногамной семьи непосредственно связаны с появлением частной собственности и наследования имущества.

Таким образом, развитию «идеи семьи» дано было материалистическое объяснение. Все содержание этого раздела труда Моргана является обоснованным опровержением патриархальной теории, согласно которой патриархальная семья считалась исходной и вечной ячейкой человеческого общества. На страницах «Древнего общества» он критикует сторонников этой теории: Г. Грота, Б. Нибура, Р. Турнвальда, Г. Мейна.

* * *

Многие критики Моргана обвиняют его в идеализме, говоря, что в своих обобщениях он исходил из единства психики человечества. Например, Б. Стерн писал: «Морган в своей общей эволюционной схеме постулирует, подобно Бастиану, психическое единство и общее происхождение человечества, ведущие к параллельному развитию» [30]. Однако из цитаты, приводимой Стерном в подкрепление этого положения, трудно сделать такой вывод: «История человеческой расы,— писал Морган,— имеет единое начало, едина в своем опыте и своем прогрессе... *Изобретения* и *открытия*... указывают на единство происхождения человечества, на сходство человеческих *потребностей на одной и той же стадии развития и на единообразие деятельности человеческого ума при одинаковом социальном строе*» [31] (курсив наш.— *Ю. А.*). Как видим, о единстве человеческого ума Морган писал в последнюю очередь. Первое место он отводил сходству в потребностях людей, ведущему к сходству в изобретениях и открытиях. И в данном контексте у Моргана речь идет не о сходстве между людьми вообще, а между людьми на одной и той же стадии их общественного развития.

Думается, и мысль известного американского ученого — биографа Моргана — Л. Уайта, что «философия Моргана преимущественно психологическая или идеалистическая» [32], ошибочна.

Морган высказывал идеалистические положения в самых общих, отправных своих рассуждениях о «зародышах мысли» и в названиях трех последних частей своего труда. В какой-то мере это его дань идеалистическим течениям эпохи, унаследованным от философов «просвещения». Как устанавливает Л. Уайт, в колледже Морган с увлечением изучал труды шотландского философа-просветителя XVIII в. Кэйнза, писавшего о присущих человеческому уму «зародышах мысли», о врожденных идеях. Эти же идеи развивали А. Г. Ж. Тюрго в труде «Прогресс человеческого разума» и Ж. А. Кондорсе в «Эскизе исторической кар-

---

[28] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 27, с. 358.

[29] См. *S. Diamond*. In search of the primitive: A critique of civilization. New Brunswick, 1974.

[30] *B. Y. Stern*. Lewis Henry Morgan: Social evolutionist. Chicago, 1931, p. 131.

[31] *Л. Г. Морган*. Указ. раб., с. 3.

[32] *L. H. White*. Предисловие к кн.: *L. H. Morgan*. Ancient Society, p. XX.

тины прогресса человеческого разума», а в этнографии эти идеи получили развитие в концепции «элементарных идей» А. Бастиана. Но у Моргана понятие «идея» имело особый смысл. Как справедливо было подмечено французским ученым Э. Терреем, Морган, пользуясь понятием «идея», подчеркивал этим, что он излагает не эмпирическую историю анализируемых им явлений, а выявляет объективную *логику*, объективную необходимость их развития [33].

Научный анализ огромного фактического материала стихийно приводил Моргана к материалистическим выводам. Он сумел подняться над идеалистическими течениями своей эпохи. Изложенное в книге понимание единства человеческого рода, единства исторического процесса, его учение о сущности доклассового общества стоят выше самого прогрессивного эволюционизма той эпохи. Понимание Морганом истории по существу глубоко материалистично. Созданная им историко-философская концепция приблизила его к взглядам основоположников научного коммунизма. Ф. Энгельс подчеркивал, что «Морган в Америке по-своему вновь открыл материалистическое понимание истории, открытое Марксом сорок лет назад» [34]. Но Морган был стихийным материалистом, к материализму он пришел под давлением накопленного им большого фактического материала. Научная честность позволила ему преодолеть буржуазную ограниченность и создать революционное учение не только о первобытности, но и о человеческом прогрессе вообще. Его материалистическая методология преодолевала ограниченность эволюционизма в буржуазной этнологии. Сторонниками идеи прогресса были, как известно, современники Моргана — Г. Спенсер, Э. Тэйлор, Дж. Леббок. Но их понимание прогресса было действительно «однолинейным эволюционизмом», в основе которого лежала идея «постепенности». Морган же в отличие от них, как справедливо отмечал советский ученый М. О. Косвен, «вдохновенно проводит идею прогресса не в качестве медленно и постепенно совершающегося процесса, а все ускоряющегося движения человечества вперед, к лучшему будущему» [35]. Не располагая тем обилием материала о прошлом человечества, который известен ныне, Морган все же устанавливал, что «прогресс человечества в период дикости по отношению к сумме человеческого прогресса был по степени значительнее, чем в последующие три подпериода варварства; и точно так же прогресс в течение всего периода варварства был гораздо значительнее, чем за весь период цивилизации» [36]. Исходя из определения неравномерности темпов прогресса, Морган попытался высчитать длительность этнических периодов. «По теории геометрической прогрессии,— писал он,— период дикости должен был быть длительнее периода варварства, как последний, в свою очередь, был длительнее, чем период цивилизации» [37].

О необоснованности распространенного в западной историографии причисления Моргана к однолинейным эволюционистам говорят и его высказывания о нескольких, а не одной, *линиях* человеческого прогресса. Уже в начале своего исследования он писал, например: «Следует заметить, наконец, что опыт человечества развивался по *почти сходным путям*» [38]. А несколько дальше читаем: «Спускаясь по *нескольким линиям* (курсив наш.— *Ю. А.*) человеческого прогресса к примитивным векам существования человека и отодвигая один за другим его главные институты и изобретения в порядке их возникновения, можно будет

[33] *E. Terray.* Morgan et l'anthropologie contemporaine.— «Le Marxisme devant les societes „primitives"». Paris, 1969 (англ. пер.: «Marxism and „primitive" society». N. Y., 1972, p. 25-26).

[34] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, с. 25, см. также т. 36, с. 97.

[35] *М. Косвен.* Л. Г. Морган, жизнь и учение. Л., 1933, с. 54.

[36] *L. H. Morgan.* Ancient Society, p. 39.

[37] *Л. Г. Морган.* Указ. раб., с. 25.

[38] *L. H. Morgan.* Ancient Society, p. 15.

осознать достижения каждого периода»[39]. Морган допускал, что развитие человечества в различных частях света могло протекать «различными, но единообразными путями и крайне сходным образом у всех племен и наций человечества, достигавших одной и той же стадии развития»[40]. Говоря о главных показателях прогресса, отмечающих начало различных периодов истории, он писал, что «трудно, но не невозможно найти такие показатели прогресса... которые бы оказались абсолютными и не допускали бы исключений на всех континентах»[41]. Он признавал различия в культуре народов одного и того же «этнического периода» в Старом и Новом Свете в силу разных природных и исторических условий двух частей света[42]. Морган допускал заимствования и взаимные влияния. «Везде, где существовала континентальная связь, все племена должны были в известной мере участвовать в прогрессе каждого племени. Все великие изобретения и открытия распространяются сами собой...»[43]. Все эти высказывания Моргана указывают на его диалектическое понимание соотношения общего и частного в закономерностях истории человечества.

«Однолинейность» исторической концепции Моргана его критики видели в основной идее его труда — утверждении единства человеческого прогресса, состоящего в поступательной смене «этнических периодов» — дикости, варварства, цивилизации, через которые проходит все человечество. «Человечество начало свое поприще с самой низкой ступени развития и проложило себе дорогу из состояния дикости к цивилизации благодаря медленному накоплению экспериментальных знаний»[44]. Морган совершенно четко порывал с тремя догматами христианской теологической антропологии о божественном сотворении человека, его падении и потопе. Все содержание труда Моргана убедительно опровергало расистскую теорию деградации отсталых народов мира.

Народы третьего мира, несомненно, высоко оценят труд Моргана и за то, что в нем еще 100 лет назад получила глубокое обоснование идея доступности прогресса для всех отсталых народов мира. «Провозглашенные Морганом с великой силой убежденности идеи,— писал об этом М. О. Косвен,— впервые в общественной науке дают отсталым народам равноправное место и в создании будущего человечества»[45].

В этом труде Моргана впервые излагается историческая концепция хода прогрессивного развития человеческого общества от происхождения человека до возникновения классового общества. Только Морган открыл огромное значение родовой организации в эволюции человечества. Именно он впервые показал, что генетическая организация древних Греции и Рима может быть понята, исходя из сущности индейского рода.

Стихийно-материалистический метод Моргана привел его к предвидению смены классового общества бесклассовым, коммунистическим. Именно этим объясняется прежде всего сдержанное отношение к труду Моргана «классических эволюционистов» Европы и особенно Англии.

* * *

В США труд Л. Г. Моргана встретил живой отклик в печати. На страницах журналов и газет печатались пространные и часто восторженные отзывы. Многие коллеги Моргана выражали свою положительную оценку его выводов в личных письмах.

---

[39] *L. H. Morgan.* Ancient Society, p. 32.
[40] *Л. Г. Морган.* Указ. раб., с. 4.
[41] Там же, с. 9.
[42] Там же, с. 13.
[43] Там же, с. 26.
[44] *L. H. Morgan.* Ancient Society, p. 11.
[45] *М. Косвен.* Указ. раб., с. 54.

В Англии же труд Моргана вызвал незначительное количество более чем сдержанных рецензий. Э. Тэйлор в своей рецензии писал, что Морган «соорудил теоретическую постройку шире и тяжелее, чем ее фактическое основание может выдержать. Схема его вряд ли будет принята в целом, но части ее могут стать прочным дополнением к науке о человеке, вопрос лишь в том, какие именно части». Совершенно неприемлемым считал Тэйлор сближение Морганом античного генса с «группировками» индейцев и австралийцев [46].

Кроме рецензии Тэйлора, в Англии появились в то время еще две анонимные рецензии: одна — в журнале «Атенеум» — в общем благожелательная, но автор не соглашался с предполагаемой Морганом древностью человека [47]; вторая — в лондонском журнале «Субботнее обозрение» — была не только резко критичной, но и оскорбительной для Моргана [48]. Л. А. Уайт, изучая архив Л. Г. Моргана, установил, что Морган считал автором ее Дж. Леббока [49]. По поводу отношения в Англии к своему исследованию Морган писал Бахофену, что у английских ученых отсутствует понимание сущности родовой организации, поэтому они и не принимают его выводы [50]. Однако Ф. Энгельс более глубоко, чем сам автор «Древнего общества», оценил холодный прием этого труда «признанными исследователями первобытной истории» в Англии. Отмечая, что «официальная школа отнеслась к Моргану не иначе, как холодно отвернувшись от него», Энгельс писал: «Открытия Моргана признаны или, вернее, присвоены теперь всеми историками первобытного общества также и в Англии. Но почти ни у кого из них мы не найдем открытого признания, что именно Моргану мы обязаны этой революцией во взглядах. В Англии его книгу по возможности целиком замалчивают. К отдельным частностям яро придираются, а о его действительно великих открытиях упорно молчат» [51]. Характерен в этом отношении отзыв о книге Моргана видного английского этнографа рубежа XIX—XX вв. А. К. Хэддона. Назвав в своей работе по истории этнографии Моргана «самым великим социологом прошлого века» [52] и высоко оценив «монументальный труд» Моргана о системах родства и свойства как солидную основу для изучения семьи и систем родства, он нашел возможным о «Древнем обществе» сказать лишь, что «в нем Морган суммировал свои прежние выводы и предложил классификацию культуры на низшую, среднюю и высшую ступени дикости, низшую, среднюю и высшую ступени варварства и эпоху цивилизации» [53]. Как видим, весь смысл «Древнего общества» Моргана Хэддон свел к приведенной в нем периодизации истории, к делению ее на три эпохи и подразделению первых двух на отдельные ступени. Но, как показывает история науки, эта периодизация в ее общих чертах была создана еще до Моргана и не является заслугой Моргана. «Великую заслугу американского ученого,— справедливо отмечал М. О. Косвен,— составляет то, что он поставил периодизацию первобытности на материалистические основания» [54]. Хэддон, как и другие его английские коллеги, умолчал и о такой важнейшей заслуге Моргана, как открытие им материнского рода в качестве основной структурной единицы первобытного общества, характеристике этого общества как родового первобытнокоммунистического. Моргановский анализ возникновения и развития частной собственности особенно претил вкусам английских ученых «офици-

[46] «The Academy», July 20, 1878, p. 67, 68.
[47] «Athenaeum», December 29, 1877, p. 867, 868.
[48] «Saturday Review», January 5, 1878, p. 20.
[49] *L. A. White.* Предисловие к кн.: *L. H. Morgan.* Ancient Society, p. XXXII.
[50] Там же, с. XXXI.
[51] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 22, с. 223, 224.
[52] *A. C. Haddon.* History of anthropology. London, 1949, p. 127.
[53] Там же, с. 129.
[54] *М. О. Косвен.* Указ. раб., с. 47.

альной школы». К тому же имело значение, как отмечал Ф. Энгельс, и то, что Л. Г. Морган был американец. «А если бы даже этих преступлений было недостаточно, чтобы официальная школа отнеслась к Моргану не иначе, как холодно отвернувшись от него, то он переполнил чашу тем, что не только подверг цивилизацию — общество товарного производства, основную форму нашего современного общества — такой критике, которая заставляет вспомнить о Фурье, но и высказался о грядущем преобразовании этого общества в таких выражениях, которые могли бы произнести Карл Маркс. Поэтому Морган получил по заслугам, когда Мак-Леннан с возмущением бросил ему упрек в том, что „исторический метод ему совершенно антипатичен" и когда женевский профессор г-н Телон подтвердил это и в 1884 году»[55]. Надо, впрочем, отметить, что Г. Мейн, главный защитник в то время патриархальной теории, опровергавшейся всем содержанием «Древнего общества», отнесся к основным выводам Моргана критично, но с большим уважением к нему как ученому[56].

Во Франции хорошо отозвался о труде Моргана Э. Реклю, а швейцарец И. Бахофен в письмах к Моргану выражал великую благодарность за «ценный вклад в систематическое познание» истории первобытности[57]. Моргану посвятил он и свой труд «Антикварные письма»[58]. Живой отклик исследования Л. Г. Моргана нашли в среде русских народников 1870-х годов. Представление о первобытном обществе как родовом, основанном на коллективной собственности, развивалось в работах таких видных представителей народничества, как Н. Флеровский (В. В. Берви), П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский[59].

М. О. Косвен в своем замечательном исследовании по историографии проблем матриархата знакомит нас с отношением к труду Л. Г. Моргана со стороны русских ученых. В России этот труд, по его словам, «без промедления становится известным, получает распространение и признание...»[60]. «Россия была и оставалась,— устанавливает М. О. Косвен,— единственной страной, где его учение было принято и подверглось оригинальной, идущей вперед разработке»[61]. Уже в 1878—1879 гг. публикуются две статьи Д. А. Коропчевского, в которых подробно излагается значительная часть труда Моргана[62]. М. О. Косвен указывает при этом на проведенные под влиянием учения Моргана оригинальные исследования четырех русских ученых: В. В. Сокольского, Н. И. Зибера, В. В. Ефимова, М. М. Ковалевского[63]. Высоко были оценены идеи Л. Г. Моргана Г. В. Плехановым[64].

Итак, «Древнее общество» Моргана было положительно оценено большинством современных ему ученых в США и России, а также отдельными исследователями в Западной Европе. Однако наиболее спра-

---

[55] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 22, с. 224, 225.

[56] *Г. С. Мэн.* Древний закон и обычай. М., 1884, с. 147—174.

[57] См. публикацию писем в кн.: *B. J. Stern.* Указ. раб., с. 145—151.

[58] *J. J. Bachofen.* Antiquarische Briefe, vornehmlich zur Kenntnis der altesten Verwandschaftsbegriffe, B. 2. Strassburg, 1880—1886.

[59] *Н. Флеровский.* Азбука социальных наук. СПб., 1871; *П. Л. Лавров.* Первобытная форма взаимных человеческих отношений. СПб., 1872; *Н. К. Михайловский.* Борьба за индивидуальность. Семья. СПб., 1876.

[60] *М. О. Косвен.* Матриархат. История проблемы. М.— Л., 1948, с. 197, 207.

[61] Там же, с. 207.

[62] *Д. А. Коропчевский.* Родовое начало в древнем обществе.— «Слово», 1878, № 11—12; *его же.* Родовые учреждения у классических народов.— «Слово», 1879, № 5—6.

[63] *В. В. Сокольский.* К учению об организации семьи и родства в первобытных обществах, преимущественно у кельтов и германцев.— «Журнал Министерства народного просвещения», 1881, № 4 и 7; *Н. И. Зибер.* Очерки первобытной экономической культуры, СПб., 1883; *В. В. Ефимов.* Очерки по истории древнеримского родства и наследования. СПб., 1885; *М. Ковалевский.* Первобытное право. М., 1886. Первый русский перевод книги Л. Г. Моргана вышел в свет в 1900 г. с предисловием М. Ковалевского.

[64] См., например: *Г. В. Плеханов.* Искусство и литература. М., 1948; *Г. В. Гусев.* Плеханов о первобытном обществе и его культуре.— «Сов. этнография», 1952, № 4.

ведливую и высокую оценку этому труду дали основоположники марксизма. Ф. Энгельс называл исследование Моргана «создавшим эпоху трудом» [65]. «Относительно первобытного состояния общества,— писал он в 1884 г.,— существует *капитальный* труд, имеющий такое же решающее значение, как Дарвин в биологии; открыл его, конечно, опять-таки Маркс: это Морган „Первобытное общество“ 1877...» [66]. Об авторе этого труда классики марксизма писали как об ученом, совершившем революцию в науке о доклассовой эпохе в истории человечества, с публикацией труда которого «открывается новая эпоха в разработке первобытной истории» [67]. Ф. Энгельс был первым и единственным в то время, кто понял, какое крупнейшее научное значение имеет открытие Морганом «первоначального рода, основанного на материнском праве, как стадии, предшествовавшей основанному на отцовском праве роду культурных народов» [68]. Но, высоко оценивая вклад Моргана в науку о первобытности, Ф. Энгельс в то же время предвидел, что накопление научных знаний внесет коррективы в выдвинутые Морганом положения. Например, о данной Морганом периодизации истории первобытного общества Ф. Энгельс писал: «Морган был первый, кто со знанием дела попытался внести в предысторию человечества определенную систему, и до тех пор, пока значительное расширение материала не заставит внести изменения, предложенная им периодизация, несомненно, останется в силе» [69]. Уже в предисловии к четвертому изданию «Происхождения семьи, частной собственности и государства», говоря о достижениях науки о первобытности за 14 лет со времени публикации «Древнего общества», Энгельс отмечал, что в результате накопления новых материалов «некоторые отдельные гипотезы Моргана были... поколеблены или даже опровергнуты. Однако нигде вновь собранный материал не привел к необходимости заменить его существенные положения какими-либо другими. Система, внесенная им в первобытную историю, в основных чертах сохраняет силу до сих пор» [70].

* * *

Ныне, через 100 лет после выхода в свет труда Моргана, накоплен огромный археологический, этнографический и антропологический материал, делающий необходимым пересмотр некоторых положений учения Моргана. Однако основные положения его труда не только остались непоколебленными, но и блестяще подтверждаются новыми данными. Несмотря на всевозможные попытки опровержения, не потеряла своего значения для науки наших дней периодизация Моргана. Как писал выдающийся советский этнограф С. П. Толстов, «периодизация Моргана именно потому и выдерживает проверку времени, что в своих важнейших чертах вполне соответствует археологически устанавливаемым большим эпохам конкретной истории человечества» [71]. «Шесть этапов археологической периодизации,— отмечал С. П. Толстов в другой работе,— прямо соответствуют шести этапам периодизации Моргана» [72]. Но наряду с признанием научного значения принципиальных положений труда Моргана, советские ученые внесли в его периодизацию суще-

[65] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, с. 25.
[66] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные письма. М., 1948, с. 372.
[67] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 22, с. 223.
[68] Там же, с. 223.
[69] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, с. 28.
[70] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 22, с. 225.
[71] *С. П. Толстов.* К вопросу о периодизации истории первобытного общества.— «Сов. этнография», 1946, № 1, с. 25.
[72] *С. П. Толстов.* К. Маркс и Л. Г. Морган.— «Сов. этнография», 1946, № 2, с. 246.

ственные коррективы, продиктованные новыми данными, выявившимися в процессе развития науки. Наиболее важное значение имеют изменения в характеристике первого и последнего этапов первобытной истории. Внесены поправки в трактовку Морганом истории «открытий и изобретений» в качестве рубежей «этнических периодов». Так, например, в изобретении огня и рыболовства Морган видел рубеж между низшей и средней ступенями дикости. На основе же новейших археологических данных теперь установлено, что огонь был известен уже синантропу. Рыболовство как ведущую отрасль хозяйства советские ученые относят к периоду неолита, появление же его — к той же эпохе, что и изобретение лука и стрел. В изобретении гончарства Морган видел обязательный рубеж двух «этнических периодов» — дикости и варварства — и поэтому ошибочно отнес полинезийцев и индейцев северо-западного побережья, не имевших гончарства, к периоду дикости. На основании же современных знаний советские ученые изобретение гончарства относят вместе с возникновением земледелия к эпохе неолита, признавая, однако, что не все народы на этой ступени развития знали эти «изобретения и открытия». У многих неолитических племен основой существования было не земледелие, а оседлое рыболовство; а австралийцы и некоторые племена Америки, не имея лука и стрел, пользовались такими не менее гениальными изобретениями, как бумеранг и духовое ружье. Рубеж между варварством и цивилизацией (т. е. классовым обществом) Морган видел в изобретении обработки железа. Новые же научные данные убедительно показали, что не железо, а такие металлы, как медь, бронза, заканчивают историю доклассового общества. Интересно в связи с этим отметить, что У. Робертсон в упомянутом выше труде, написанном за 100 лет до Моргана, именно в изобретении металлов вообще, а не железа в частности, видел рубеж между варварством и цивилизацией.

Как справедливо отмечал С. П. Толстов, в периодизации Моргана недостаточно выделены те узловые моменты первобытной истории, которые связаны с историей общественных отношений. «Деление на период дикости (присваивающее хозяйство) и варварства (производящее хозяйство),— пишет С. П. Толстов,— отодвигает на второй план две другие качественные грани, отделяющие период расцвета первобытнообщинного строя... от этапа его становления, периода, когда создается еще сам человек, и от этапа его распада, когда созревшие в рамках первобытной общины производительные силы взрывают первобытные производственные отношения» [73]. Ф. Энгельс своими трудами внес значительные коррективы в этот недостаток периодизации Моргана. В своем классическом труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» специальную главу — «Варварство и цивилизация» Ф. Энгельс посвятил именно анализу сущности последнего переходного этапа в истории первобытного общества. В статье же «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» Энгельс дает характеристику древнейшего этапа человеческой истории (соответствующего низшей ступени дикости у Моргана), показав, что сущностью его был процесс становления человека. Со времени выхода в свет этих работ Энгельса накоплен богатый археологический и этнографический материал, подтверждающий высказанные в них основные положения Энгельса и убедительно показывающий, что реальной гранью между низшей и средней ступенями дикости является завершение становления современного вида человека и дуально-родовой организации человеческого общества.

---

[73] *С. П. Толстов.* К вопросу о периодизации истории первобытного общества, с. 25, 26; *Ю. И. Семенов.* Как возникло человечество. М., 1966; *его же.* Учение Моргана, марксизм и современная этнография.— «Сов. этнография», 1964, № 4.

Внесены также известные коррективы в созданную Морганом схему семейно-брачных отношений. Советские ученые не разделяют гипотезу Моргана о кровнородственной семье и семье пуналуа как промежуточных ступенях между первобытным стадом и родом. Они считают, что первобытное стадо с промискуитетом без промежуточных стадий непосредственно превратилось в дуально-родовую организацию и что брак первоначально означал установление отношений между родовыми коллективами, а не между отдельными индивидами. Он носил групповой характер. Вместе с тем, отвергая положения Моргана о кровнородственной семье и семье пуналуа, советские ученые принимают основную мысль Моргана о развитии семейно-брачных отношений от промискуитета через групповой брак к парному, а затем моногамному браку [74].

Несомненно прав был С. П. Толстов, осудив попытки огульного отрицания научного значения периодизации первобытной истории Моргана из-за наличия в ней отдельных ошибочных положений [75].

Подводя итог научного значения труда Моргана, можно сказать, что новые открытия в области археологии и этнографии показали, что реконструкция первобытной эпохи Морганом в важнейших своих звеньях была правильной. Приходится лишь удивляться, что достиг он этого, располагая незначительными в сравнении с современным состоянием науки данными. Это говорит о правильности исторического метода Моргана. В свете современных знаний незыблемыми остались его важнейшие открытия, такие, как: установление основных этапов прогрессивного развития первобытного человечества, определяемого развитием производительных сил; открытие материнского рода как изначально универсальной формы организации первобытного общества; установление первобытнокоммунистических основ общественного быта первобытности и, наконец, установление, что по мере разделения труда и появления частной собственности, социального неравенства и эксплуатации (рабства) древние формы родового строя разлагаются, групповой брак и парная семья уступают место патриархальной и моногамной семье, материнский счет родства уступает место отцовскому, рушится, наконец, сама родовая организация, уступая место государству.

* * *

Социально-экономические и политические предпосылки воззрений Моргана, изложенных в его труде «Древнее общество», многократно уже подвергались критическому анализу и в советской и в зарубежной литературе [76], что в значительной степени и облегчает, и усложняет нашу задачу.

Социально-политические взгляды Моргана складывались в бурный период истории США. Быстрое развитие промышленного капитализма в США в середине XIX в. сопровождалось изменениями в отношениях классов и в идеологии того времени. Идеологический климат первой половины XIX в. характеризовался борьбой идей прогресса, унаследованных от философов-просветителей XVIII в. и разделявшихся прогрессив-

---

[74] См. *Ю. И. Семенов.* Происхождение брака и семьи. М., 1974.

[75] *С. П. Толстов.* К. Маркс и Л. Г. Морган, с. 246.

[76] См.: *М. О. Косвен.* Л. Г. Морган. Жизнь и учение; *Ю. И. Семенов.* Л. Г. Морган: легенда и действительность.— «Сов. этнография», 1968, № 6; *B. Stern.* Указ. раб.; *L. A. White.* Lewis Henry Morgan: Pioneer in the theory of social evolution.— «An introduction to the history of sociology». Chicago, 1948; *его же.* How Morgan came to write «Systems of consanguinity and affinity»; *C. Resek.* Lewis Henry Morgan: American scholar. Chicago, 1964; *E. Terray.* Morgan and contemporary anthropology.— «Marxism and „primitve" society»; *R. Lowie.* Lewis Henry Morgan in historical perspective.— «Essays in anthropology. Presented to A. L. Kroeber». Berkeley, 1936; *F. Eggan.* L. H. Morgan in kinship perspective.— «Essays in the science of culture in honor of Leslie A. White». N. Y., 1960, и др.

ными слоями американской общественности, против реакционных теорий деградации и расизма во всех его вариантах. Это был период бурных споров между полигенистами и моногенистами, негрофобами и аболиционистами, сторонниками теории прогресса и теории регресса.

На либеральные слои американской интеллигенции этого периода глубокое воздействие оказывали теории утопического социализма Фурье и Оуэна. Все эти течения в прогрессивной мысли США повлияли на взгляды Моргана, живо откликавшегося на бурные события своего времени. Заслуживает внимание тот факт, что Морган был не только ученым-этнографом, но и общественным деятелем. Он не замыкался в стенах «башни из слоновой кости», а принимал активное участие в общественно-политической жизни. Уже в годы учебы в колледже сказалась общественная жилка Моргана: он был одним из организаторов молодежного литературного кружка «Гордиев узел», созданного по типу масонских лож. Затем по его же инициативе этот кружок был реорганизован по плану структуры ирокезской лиги в «Великий орден ирокезов», ставивший своей целью «сеять в народе доброе отношение к индейцам». После прекращения деятельности ордена Морган создал в 1854 г. «Пандит клуб», в котором он выступал с лекциями по волновавшим его научным и общественно-политическим вопросам. Вся последующая жизнь Моргана была наполнена бурной деятельностью и на поприще науки, и в общественно-политической жизни страны. Его научные цели не носили абстрактного характера. Все его научные устремления были направлены на доказательство равенства народов как участников прогрессивного развития человеческого общества к его лучшему будущему.

Морган активно участвовал в деятельности научных учреждений США. Уже в 1857 г. он становится членом ведущего в то время научного общества страны — Американской ассоциации содействия развитию науки. В 1875 г. он создал в этой ассоциации секцию этнологии, возглавив ее, а через четыре года был избран президентом всей ассоциации. В 1875 г. Морган был избран членом национальной Академии наук. Эти два избрания были наивысшим признанием научных заслуг ученого США того времени.

О политической деятельности Моргана говорит его избрание в 1861—1868 гг. в законодательное собрание штата Нью-Йорк от республиканской партии, стоявшей тогда на сравнительно прогрессивных позициях, а в 1868/69 г. он становится сенатором от этой же партии.

Но в начале XX в. заслуженное признание Л. Г. Моргана как ученого и общественно-политического деятеля было забыто. Это произошло не случайно.

Господство эволюционной школы в науке о первобытности совпадало с периодом бурного развития капитализма. Основные положения этой школы, связывавшиеся с именем Л. Г. Моргана, господствовали в этнографии США до 1890-х годов. Однако переход капитализма в стадию империализма, сопровождавшийся кризисом буржуазной социологической мысли, сползанием ее на реакционные позиции, не мог не сказаться и на состоянии буржуазной этнографической науки. С конца XIX в. представители ее объявляют «критический» поход против идеи прогресса, закономерности исторического развития человеческого общества, против материалистического его объяснения. В этой борьбе в этнографии США складывается антиэволюционистская, так называемая «историческая», школа. На протяжении четырех десятилетий господства этой школы ее представители всячески поносили Моргана как ученого и высмеивали его выводы. Например, Р. Лоуи писал в 1915 г., что Морган был «типичным воплощением ограниченного и слабого ума», что в «Древнем обществе» он достигает «высшей меры абсурдности»[77].

[77] «American Anthropologist», 1915, vol. 17, p. 330.

Как отмечал П. Радин, «для всех учеников Ф. Боаса Морган был анафемой и его никто не читал» [78].

На опровержение открытий Моргана были направлены главные усилия буржуазных этнографов. Чтобы опорочить открытия Моргана, его объявляли «устарелым» представителем отжившей эволюционной теории, несмотря на то, что стихийно-материалистическая методология Моргана была глубоко отлична от эволюционизма буржуазной этнологии, сближаясь с историческим материализмом. Большинство теоретических трудов буржуазных этнографов тех лет посвящалось опровержению главным образом тех открытий Моргана, которые в той или иной степени были восприняты марксистско-ленинской наукой. В каждой из этих работ объявлялось, что открытия Моргана полностью опровергнуты новейшими эмпирическими исследованиями. «Исторические реконструкции эволюционистов XIX в.,— писал, например, Дж. Стюард,— полностью дискредитированы на эмпирических основах» [79].

Только для К. Уисслера в те годы Морган был «великим гением» [80], а с 1930-х годов в защиту Моргана начал последовательно выступать Л. А. Уайт. Уже в 1932 г. Л. Уайт пророчески предсказывал: «Хотя его (Моргана.— *Ю. А.*) теперь и отвергают, не признают, позорят и высмеивают, но придет время, когда его величие будет вполне оценено. Имя Моргана будет блистать еще долго после того, как его критики умрут и будут забыты» [81]. Так оно и случилось.

Успехи социалистических и национально-освободительных революций, крушение империализма и колониальной системы в годы после окончания второй мировой войны вызвали глубокий кризис всей буржуазной идеологии. Господствовавшие в буржуазном обществоведении антиисторический эмпиризм и агностицизм оказались беспомощными перед необходимостью осмысления происходящих в мире бурных процессов. Это не могло не повести к критическому пересмотру распространенного в буржуазной этнографии теоретического нигилизма, к поискам теорий, которые смогли бы объяснить происходящие в мире революционные преобразования. Став на путь поисков теории, представители этой науки обратились прежде всего к историческим концепциям своих непосредственных предшественников — «эволюционистов XIX в.», которые они отвергали на протяжении первой половины XX в.

С 40-х годов наблюдается уже смягчение критики Моргана, некоторый пересмотр прежних оценок вплоть до признания его отцом американской этнографии [82]. В 50-е годы тенденция к пересмотру отношения к Моргану нарастает. В этом отношении весьма показателен доклад М. Херсковица при вступлении его в 1958 г. на пост президента Американской антропологической ассоциации, представляющий собой известного рода реабилитацию Моргана, признание его заслуг перед наукой со стороны одного из ведущих представителей «исторической» школы в американской этнографии. Основной вывод Херсковица сводился к тому, что Морган сделал этнографию наукой, дал ей научный метод. Признаются полезными некоторые выводы и методы Моргана, за исключением главных его открытий.

Чаще всего подчеркивается научное значение труда Моргана «Системы родства и свойства», а не его «Древнего общества». В связи с

---

[78] «New Republic», 1939, № 98, p. 300.

[79] *J. Steward.* Theory of culture change: the methodology of multilinear evolution. Urbana, 1955, p. 11.

[80] *C. Wissler.* Recent developments in anthropology.— *E. C. Hayes* (ed.). Recent developments in the social sciences. Philadelphia, 1927, p. 55.

[81] *Лесли А. Уайт.* Эволюция культуры и американская школа исторической этнологии.— «Сов. этнография», 1932, № 3, с. 67.

[82] *W. Fenton.* Essays in historical anthropology of North America. Washington, 1940; *R. Beals* and *H. Hoijer.* An introduction to anthropology. N. Y., 1954.

этим в Моргане видят основателя изучения систем терминов родства и вообще основателя социальной антропологии. Весьма симптоматично в этом отношении заявление видного американского этнографа Ф. Эггана, что «Морган ближе к современной науке, чем его критики» [83]. Интерес к идеям Моргана, изложенным в «Древнем обществе», особенно оживился в связи с юбилейными заседаниями 1959—1960 гг., посвященными 100-летнему юбилею выхода в свет труда «Происхождение видов» Ч. Дарвина. Сами эти заседания свидетельствовали о повороте в теоретической этнографии США от антиисторизма исторической школы к признанию идеи развития, к теории социальной эволюции. В 1961 г. выходит в свет книга К. Резека «Л. Г. Морган — американский ученый» [84], в которой признаются огромные заслуги Моргана перед этнографической наукой. В 1963 и 1964 гг., как говорилось выше, в США публикуются два новых издания труда Моргана «Древнее общество» с большими предисловиями их редакторов Э. Бюрке Ликок и Л. Уайта.

В своих предисловиях оба ученых подчеркивают антирасистскую направленность основной идеи книги Моргана о единстве человечества, его высказываний против изображения отсталых народов как отклоняющихся от нормы или деградирующих людей, и Л. Уайт и Э. Ликок признают, что, несмотря на отдельные ошибки в деталях, периодизация Моргана не потеряла своего значения и теперь. Они подчеркивают научное значение учения Моргана о роде, но считают, что его концепция эволюции семьи якобы опровергнута новыми данными, хотя в этом вопросе авторы предисловий имеют некоторые расхождения [85]. В общем же оба редактора высоко оценивают вклад Л. Г. Моргана в изучение истории первобытного общества. Примечателен также факт публикации в 1971 г. первого в истории науки перевода труда Моргана во Франции под редакцией и с большим предисловием Р. Макариуса [86].

О восстановлении доброго имени великого американского ученого говорят и начатые в 1963 г. моргановские чтения в университете города Рочестера, в котором Морган прожил с 1844 г. до своей смерти в 1881 г. В этих чтениях принимают участие видные ученые, посвящающие свои лекции анализу различных сторон научного вклада Моргана в этнографическую науку в свете современных данных. Эти лекции публикуются в виде отдельных трудов. Например, в 1966 г. вышла книга Ф. Эггана [87], представляющая собой серию прочитанных им лекций на тему «Морган и американские индейцы»; в ней подчеркивается вклад Моргана как зачинателя этнографического изучения индейцев. В виде отдельной книги была опубликована и серия лекций о вкладе Моргана в изучение отношений родства, прочитанная английским ученым М. Фортесом [88].

Таким образом, за 100 лет со времени выхода в свет «Древнего общества» учение Моргана на его родине пережило сложную историю: признания, отвержения и нового признания. Важнейшей причиной сложной судьбы этого учения, несомненно, является признание основных его положений о доклассовом обществе марксистско-ленинской наукой.

Обобщая все признаки поворота этнографов Запада к признанию научных заслуг Моргана, ныне покойный Л. Уайт писал: «Наконец-то

---

[83] *F. Eggan.* Указ. раб.

[84] *C. Resek.* Указ. раб.

[85] См. *Ю. П. Аверкиева.* Л. Г. Морган и этнография США в XX веке.— «Вопросы истории», 1968, № 7.

[86] *L. H. Morgan.* La societe archaïque. Paris, 1971.

[87] *F. Eggan.* The American Indian: Perspectives for the study of social change. Chicago, 1966.

[88] *M. Fortes.* Kinship and social order. The legacy of Lewis Henry Morgan. London, 1970.

великий пионер этнологической науки, философ и пророк получает свое место по праву в истории научной мысли, а его конструктивные достижения попадают в общий поток этнологических исследований» [89].

AT THE SOURCES OF MODERN ETHNOGRAPHY
(TO THE HUNDREDTH ANNIVERSARY OF MORGAN'S «ANCIENT SOCIETY», 1877—1977)

The paper is devoted to the analysis of the fundamental points of Morgan's theory of history as presented in his monumental work «Ancient Society» in the light of present day knowledge. Evaluating Morgan's philosophical views of history as in general materialistic, the author argues against the attempts to characterize Morgan as an idealist or a deist. In the light of present day knowledge some of Morgan's hypotheses about the criteria for distinguishing successive ethnical periods (the discovery of fire, fishing, pottery, ironwork), about the place of the consanguine and the punaluan family in the process of the appearance of the gens, have been proved to be inconsistent. But the fundamental points of Morgan's theory of the major steps in mankind's history, his conception of primitive society have stood the test of time.

The fate of Morgan's work in the history of Western anthropology during the last 100 years is traced: widely acclaimed when first published, it was then for half a century severely criticized; and now from the middle of this century there is a reawakened interest in Morgan's theory of history.

It is now widely recognized that in «Ancient Society» Morgan raises and clarifies all major questions still considered as basic to a theory of history and to the understanding of the early history of mankind.

---

[89] *L. A. White.* Предисловие к кн.: *L. H. Morgan.* Ancient Society, p. XLII.